

© 2018 г.

Н.В. КОРОВИЦЫНА

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВОСТОК И ЗАПАД: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ?

Коровицына Наталья Васильевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, специалист в области центрально- и восточноевропейских исследований (Москва, Россия).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-07-00016 «Россия и Центральная Европа: проблемы и перспективы взаимоотношений в условиях мирового политического кризиса».

DOI: 10.7868/S0130386418030058

После 1989 г. в Восточной Европе установился и довольно долго превалировал дискурс вестернизации как прежде всего демократизации. Обновление гражданского общества стало главной темой дискуссий не только в общественном пространстве, но и в научных разработках. Эти дебаты были завершены в годы, когда актуализировалось вступление бывших социалистических стран в ЕС, т.е. символическое вхождение их в западный мир. Впоследствии начала усиливаться рефлексия включения в наднациональные европейские структуры и глобальные взаимодействия. Предметом анализа стали кризисные тенденции в странах Запада. Наступил период массовой критики существующей системы: время западноцентрической политики и экономики заканчивалось.

Еще в 60-е годы XX в. в моде была теория конвергенции, утверждавшая, что наилучшее из западного и восточного блоков можно соединить. Тем самым возникнет процветающее и одновременно социально справедливое общество. Однако на практике после 1989 г. в Центральной и Восточной Европе удалось синтезировать скорее худшее из обоих режимов. Лейтмотивом восточноевропейских реформ стало разрывывание и разложение государства¹. Неолиберальная идеология предпочитает минимальное государство, которое наиболее выгодно тем мельчайшим группам, которые ему не должны платить высокие налоги. Целью неолиберальных правительств в ходе приватизации поэтому было разложение не только социального государства, но и государства в целом, гигантский демонтаж его мощностей. Тем очевидней необходимость восстановления государства, реабилитация понятия общественного интереса и культивирование общественного пространства.

Перемены, происходившие в Центральной и Восточной Европе на протяжении двух столетий могут быть описаны как попытка догнать Запад. «Дорога на Запад» была во многом «путем в неизвестное». Еще накануне «бархатных» революций не было разговоров об изменениях в характере собственности или свободном рынке. А через несколько месяцев была принята программа большого скачка в реалии свободнорыночного капитализма. Программа, связанная с концепциями польской «Солидарности», как считалось, отдалила бы страну от Запада. У оппозиции 1980-х годов не было реалистических программ перехода от социализма к капитализму. Либеральный проект не имел общественной опоры, а исходил из всеобщего мощного убеждения в необходимости реформ. Его принятие основывалось на скудости воображения, что

¹ Odjištěná společnost. Rozhovory o potřebné společenské změně. Praha, 2015, s. 49.

использовали либеральные группы². Запад был особенно привлекателен посткоммунистическим странам именно в 1990-е годы — наиболее антиобщественное десятилетие, когда произошла маргинализация части населения и ослабевала общественная солидарность. Привлекательность Запада для жителей восточноевропейского региона, по оценке англо-германского обществоведа Р. Дарендорфа, была прямо пропорциональна степени их деморализации. В большинстве стран региона появилась группа людей деклассированных или закоренело бедных, исключенных из общества.

В 1989 г. восточноевропейцы только имитировали Запад, они не дали ему ни одной новой идеи, чтобы его обогатить, хотели только черпать оттуда и идеализировать его. А западноевропейцы ожидали, что Восток принесет что-то Западу в период его кризиса. Восточноевропейские элиты сформулировали постулат быстрой адаптации к западным политическим и экономическим институтам. Мало кто из восточноевропейцев понимал весь смысл экономических преобразований и имел представление о масштабах предлагаемых перемен, никто не предложил никакой альтернативы. Властные круги опасались экспериментировать с «третьим путем» между социализмом и капитализмом. Восточноевропейская экономика начала работать не на местные потребности, а на глобальную систему, определяемую интересами крупного транснационального капитала. Возникал капитализм, сконструированный «сверху», а не сформировавшийся исторически. Складывалась модель общества беднеющих потребителей, а не эффективных производителей³. Идеальным гражданином являлся не буржуа, как в классической западноевропейской модели, или предприниматель, как в США, а интеллигент, как в постаристократической Польше или России⁴.

Под демократией половина индивидуалистически ориентированных восточноевропейцев понимает личную свободу и возможность выбора. Вторая по частоте интерпретация демократии — социально-экономическая (27%). Речь идет об уважении социальных прав и достойном уровне жизни. Понимание демократии как равенства перед законом и справедливости — это еще 12% населения. Меньше всего людей связывают демократию с активным участием граждан в общественной жизни, как на Западе (10%).

Насколько важны для демократии отдельные права, гарантирующие ее, также продемонстрировал приоритет социальных прав над политическими и гражданскими правами. На первом месте оказалось в Словакии право на медицинское обеспечение для каждого и право всех граждан на достойный уровень жизни. Акцент на социально-экономических правах указывает, что наиболее важно для людей то, чего людям не хватает. Исследование по случаю 25-летия событий ноября 1989 г. вновь подтвердило, что негативный баланс посленоябрьского развития касался именно социальных ценностей — трудовых возможностей, социальных гарантий, безопасности. Для каждой из этих ценностей около 70% населения констатировало ухудшение. Преимущественно негативно оценивается и медицинское обеспечение: 55% считает его хуже по сравнению с существовавшим до ноября 1989 г. Четкая разделительная линия таким образом проходит между социальными и остальными правами граждан. В последнее десятилетие восприятие важности «партиципативных прав», имеющих меньшую важность для восточноевропейцев, еще снизилось, как и относительно невысокий интерес к политике, способность ее понимать, а сильный акцент на социально-экономических правах возрастает. 40% словаков считает, что было бы лучше перейти к другой политической системе, которая обеспечила бы в стране больший порядок, равенство и справедливость даже ценой ограничения некоторых свобод. Вместе с тем по мнению

² Różnorodność procesów zmian. Transformacja niejedno ma imię. Warszawa, 2004, s. 18.

³ Ibid., s. 56.

⁴ Зарицкий Т. Могут ли договориться между собой польский «пан» и польский «хам»? Интеллигентские споры о наследии крепостного права и его символических остатках в Польше. — Новое литературное обозрение, 2016, № 6.

всего менее четверти граждан в стране было бы лучше развивать и улучшать либеральную демократию⁵.

По сравнению с другими странами Чехия особенно отличалась приоритетом экономических интересов и материальных выгод при вступлении в ЕС⁶. Гордость своим членством в ЕС не является преобладающим чувством в чешской среде. Почти четверть чехов не испытывает никакой гордости за то, что получили европейское гражданство⁷. При вступлении в ЕС чехи считали, что большую выгоду от их евроинтеграции получает сам ЕС, а не Чехия.

Интересные для темы статьи результаты содержатся в исследовании соотношения между религиозностью и социально-экономическими характеристиками, конкретно образовательной и экономической активностью на примере Чехии. Этот анализ исходит из известного тезиса М. Вебера об отношении между капитализмом и протестантской этикой. Полученные данные свидетельствуют, что традиционно протестанты ориентированные еще со времен гуситского движения чешские верующие не особенно прокапиталистичны. Напротив, у них выше ожидания от власти и государственной помощи. Что касается экономически активных людей, религиозность и посещение богослужений с экономическими взглядами в чешском обществе никак не связано. Люди, провозглашающие религиозное вероисповедание — неважно католики или нет, — чаще убеждены, что власть должна позаботиться об их уровне жизни. Они ожидают большего от внешних сил, в данном случае от государства. Ожидания, чтобы власть позаботилась о трудоустройстве и уровне жизни не соответствуют «духу капитализма». Анализ не подтвердил, что верующие и неверующие как-либо отличаются в том, являются они наемными работниками или предпринимателями. Не подтвердилось и то, что протестанское вероисповедание чаще служит проявлением «духа капитализма», не обнаружено «веберовское» противоречие между католическими и протестантскими странами. Среди верующих дух государственного патернализма существует как среди католиков, так и не католиков. Таким образом, в восточноевропейской среде в отличие от западной отсутствует четкая, однозначная по Веберу связь между экономическим поведением и поведением религиозным. Если есть какая-либо связь, то чешские христиане (включая протестантов) демонстрируют даже довольно антисвободнорыночное отношение⁸.

Чешские социологи обнаружили также, что общество и элиты разделяют амбицию догнать Запад, т.е. достичь экономического уровня наиболее развитых стран ЕС, но пока не преуспели в этом отношении. Отсутствует видение чешской догоняющей модернизации, отвечающее на вопрос «как» догнать Запад в действительности. Большинство населения и элит считает, что фактически отсутствует такого рода видение. Ни у общественности, ни у элит нет адекватной идеи, представления о современном обществе модерна, каково оно. Население обычно заинтересовано в материальном комфорте и продвинутых технологиях. И общественность, и элиты представляют их во многих отношениях напоминающими картину индустриального общества больше, чем постиндустриального, информационного. И те, и другие демонстрируют отсутствие интереса к гражданской активности и глобальному измерению. Предполагается существенный уровень дезориентации ключевых игроков модернизации или отсутствие понимания ее. Граждане признают, что вестернизация неизбежна, но страна должна переходить на западную модель по-своему, по-чешски. Так считает 67%

⁵ Gyárfášová O. To sladké slovo demokracia. Spokojnosť s demokraciou a politické odcudzenie na Slovensku. — Sociológia, 2015, № 4, s. 369, 386. См. также: Коровицына Н.В. Словацкое общество на пути модернизации после 1989 года. — Новая и новейшая история, 2015, № 1.

⁶ Lyons P. "It's the economy, stupid". Popular support for EU accession in the Czech Republic. — Sociologický časopis, 2007, № 3; Proměny reprezentace, zejména po vstupu do Evropské unie. Praha, 2008.

⁷ České veřejné mínění: výzkum a teoretické souvislosti. Praha, 2006. См. также: Коровицына Н.В. Ценности чешского общества в изменяющемся мире. — Новая и новейшая история, 2016, № 2.

⁸ Hamplová D. Náboženství v české společnosti na prahu 3. tisíciletí. Praha, 2013, s. 132–142.

общества и 63% элит⁹. Большинство (62%) чешского общества хочет роста влияния государственной администрации на направления его развития. Проявляется склонность чехов к патернализму или модернизации «сверху вниз». Оба актора — общество и элиты — пытаются догнать скорее прошлое Запада, чем его настоящее или будущее. Таким образом, существует кризис стратегического мышления в ЧР в целом. Большинство населения соглашается с необходимостью конвергенции с Западом, но опять же чешским путем¹⁰. В целом чешское общество сдержанно в вопросе следования западной модели и требует, чтобы элиты вышли с оригинальным, специфически чешским видением модернизации. От элит ожидается лидирующая роль в обществе без полагания на западную модель.

Глубокие изменения, происходившие в обществах восточноевропейского типа в последнюю четверть века, принято объяснять с точки зрения двух основных подходов — культурного или ценностного и структурного¹¹. Сторонники преимущественно ценностных изменений обосновывают сходство социальных процессов в восточноевропейской и евроамериканской цивилизациях, когда посткоммунистические страны в ускоренном темпе догоняют Запад, т.е. вестернизируются. Напротив, сторонники структурных факторов развития обращают внимание на отличие не только в его скорости, глубине, но и в социальных и демографических последствиях в Центральной и Восточной Европе, с одной стороны, и странах Запада — с другой. Этот, второй подход, на самом деле, раскрывает сущность восточноевропейского пути развития после 1989 г. Она, как оказалось, сводится прежде всего к стратификации жизненных путей и жизненных рисков (бедность, безработица, нестабильная занятость и др.) восточноевропейцев, результат которой — масштабное социальное исключение из участия в важнейших сферах жизни — трудовой, частной или семейной и общественно-политической.

Целый ряд социологических исследований показывает, что возникшая после 1989 г. организация общественного пространства значительно изменилась, например, в Чехии уже во второй половине 1990-х годов, а в Польше еще раньше, к 1993 г. Это было связано с начавшимся уже тогда кризисом либеральной, прозападной политики, не имевшей достаточной социальной основы и традиции в восточноевропейском обществе. Уже тогда успело сформироваться и нарастало деление людей на тех, кто в процессе демократического перехода и экономических реформ что-то приобрел, и тех, кто оказался в маргинализированном положении. В посткоммунистических странах не позже, чем с середины 1990-х годов, произошел важнейший сдвиг от восприятия и оценки системной трансформации с точки зрения ценностей (что правильно в новом режиме, а что нет) к восприятию перемен с точки зрения интересов (выгодно для меня и людей как я). Более того, с этого времени для народов региона стало очевидным, что программа экономической трансформации угрожает не только жизненным интересам определенных групп, прежде всего со слабым социальным потенциалом, т.е. низким положением в обществе, но и самому их существованию¹².

С этого же времени на передний план в развитии общества восточноевропейского типа все более очевидно выдвигается социально-классовый фактор. Если в Западной Европе с 70-х годов XX в. наблюдается ослабление общеклассового голосования, то, например, в Чехии влияние социально-классового фактора на голосование отмечено именно во второй половине 1990-х годов, и его эффект по мере консолидации социально-экономической линии как главной конфликтной оси политики усиливается. Принадлежность к классу в условиях растущей стратификации общества и углубляющегося неравенства стала ключевым фактором электорального поведения и со временем может превратиться в его единственный фактор. Тезис о «смерти классов»

⁹ Popular opposition and support for different types of EU integration. Praha, 2007, p. 60.

¹⁰ Czech elites and general public: leadership, cohesion, and democracy. Praha, 2010, p. 27.

¹¹ Vlastní cestou? Životní dráhy v pozdně modern společnosti. Praha, 2014, s. 13–18.

¹² *Kunštát D.* Za rudou oponou. Komunisté a jejich voliči po roce 1989. Praha, 2013, s. 282.

не выдерживает эмпирической проверки и на польском материале. Конечно, главным результатом социальной динамики в посткоммунистических странах с появлением здесь после 1989 г. бедности и безработицы стало возникновение низшего класса. Он включает составлявших основу прежней системы рабочий класс и крестьянство, переживших в ходе трансформации процессы деклассирования и маргинализации. В странах региона удерживаются классовые барьеры, сохраняются классовые различия, а политические взгляды и поведение формируются на основе классовых интересов. В результате социальная структура общества восточноевропейского типа приобрела непохожий на структуру обществ западного типа характер пирамиды с многочисленными нижними слоями, довольно слабым средним слоем и крайне узкой группой богатейших, наиболее выигравших от реформ.

В основе этих процессов находилось резкое падение занятости населения, до 1989 г. практически всеобщей и обязательной. К числу профессионально активных в начале XXI в. в Польше принадлежало менее половины жителей, и этот уровень продолжает снижаться. Центральноевропейские обществоведы сейчас обращают особое внимание на ненадежность труда, осуществляемого по непродолжительным, серым договорам или вообще без договоров в теневой, нелегальной сфере, как у каждого третьего поляка. Польша оказалась на одном из первых мест в Европе по дестабилизации занятости. И это в ситуации, когда подавляющее большинство граждан продолжает считать, что государство обязано гарантировать их право на труд, а уравнивательные, эгалитарные традиции остаются глубоко укорененными в нерыночной по своей сути экономической культуре восточноевропейцев. Для них предпринимательство, особенно в период экономического кризиса, все чаще является вынужденной, негативно мотивированной жизненной стратегией, к которой обращаются не в силу открывающихся возможностей, престижа или доходов, а как к альтернативе безработицы. Произошедшие перемены в сфере занятости, конечно, совсем не соответствуют изначальным ожиданиям о переходе к равенству возможностей социального продвижения на основе трудового участия в результате «бархатной» революции.

Ситуация в сфере занятости приобретает особую остроту потому, что, согласно исследованиям, важнейшей социальной идентичностью, например чехов, является профессиональная идентичность: люди смотрят на себя прежде всего как на представителей своей профессии. Приоритет этого вида идентичности свидетельствует о том, что труд в восточноевропейском обществе не теряет значения в пользу свободного времени и частной сферы, как в современной Западной Европе. В то же время, в Восточной Европе труд постепенно перестает быть способом самореализации, а все больше воспринимается как источник существования.

Труд явился той сферой жизни человека в Восточной Европе, которая в последние 25 лет претерпела наибольшие перемены. Как и семья, труд — важнейшая жизненная ценность. Она «крайне важна» для 56% и «скорее важна» — для 35% поляков¹³. 81% хотел бы привить трудолюбие своим детям. В международном сравнении с еще 35 странами мира чехи оказались на втором месте по значению, которое они придают труду в своей жизни¹⁴. В то же время это ценность, которая на протяжении последних двух десятилетий скорее теряет, чем наращивает свое значение в странах региона. Ослабление значения труда в жизни восточноевропейцев считается очень важным процессом. Несомненные сдвиги в этой сфере тесно связаны с переходом к рыночной экономике и освоением людьми новых норм жизни. Примечательно, что оценка важности труда снижалась при значительном росте уровня безработицы, фактически ее появлении в странах региона после 1989 г.

Любопытна динамика оценок причин бедности. Тенденции ее различны для 1990-х и первого десятилетия 2000-х годов. В период осуществления рыночных реформ

¹³ Wartości i zmiany: przemiana wartości Polaków w jednoczącej się Europie. Warszawa, 2014, s. 63.

¹⁴ Národní identity a identifikace. Česká republika. Visegrádská čtyřka. Evropská unie. Praha, 2015, s. 23.

сокращалось убеждение, что бедность является порождением субъективных факторов (лени и недостатка силы воли) и росло — объективных, т.е. общественной несправедливости как главной причины социальных бед. Эта тенденция радикально изменилась в начале нового века, когда негативные общественные процессы периода реформ в условиях развернувшейся евроинтеграции оказались в значительной степени ослабленными или даже получали возвратную направленность. Народы региона, как правило, все больше видели причины бедности скорее в социальных факторах, а уже не индивидуальных, как в начале общественной трансформации¹⁵. По сравнению с западноевропейскими странами восточноевропейские остаются наиболее национально ориентированными в вопросе необходимости приоритетного трудоустройства населения перед иностранными рабочими и наиболее патриархальными в вопросе преимущественного трудоустройства мужчин перед женщинами при недостатке рабочих мест.

Выявлен еще ряд отличий обществ восточноевропейского типа от западных капиталистических культур. Так, уровень образования как критерий оплаты труда гораздо важнее в Восточной, чем в Западной Европе. Кроме того, если у западной популяции больше желание самостоятельного и интересного труда, у восточной — приоритет оплате труда и карьере. На Западе работники больше интересуются внутренними ценностями труда (инициатива, ответственность и др.), на Востоке более выражен интерес к его внешним ценностям (оплате, рабочему времени, отпуску и др.). Материально жители Восточной Европы меньше удовлетворены своим занятием, чем западноевропейцы, особенно что касается зарплат¹⁶. На Востоке больше людей хотело бы больше денег за большую работу по сравнению с западноевропейскими странами. Вместе с тем на Востоке гораздо более распространено убеждение, что «люди не должны работать, если не хотят» (до 90%), но полностью отрицается в ряде западноевропейских стран. Сторонниками труда ради денег являются 50–70% восточноевропейцев¹⁷.

В сфере частной жизни догоняющие Запад процессы отчетливо проявились в виде демографического шока 90-х годов XX в. Однако несмотря на этот шок, когда беспрецедентно изменились все показатели естественного воспроизводства населения, не произошло снижения приоритетного значения семьи в жизни восточноевропейцев. Хотя и привело к распаду семейной организации и утрате традиционных жизненных ориентиров обедневших и опустившихся на социальное «дно» групп населения — «проигравших» от смены общественного порядка. Однако демографическое поведение высокообразованных слоев по-прежнему характеризуется как традиционное. Согласно оценкам социодемографов, несмотря на «догоняющие» эффекты, католические Словакия или Польша с их консерватизмом частной жизни, возможно, никогда не сравняются с демографическими параметрами Западной Европы. Существующее на протяжении веков деление на западную и восточную демографические системы и ареалы, как и два различных типа семейного поведения, сохраняются и поныне.

Это связано не только со спецификой ценностной иерархии традиционалистических восточноевропейских народов, но и с сущностью либеральной трансформации Восточной Европы. Этот регион ускоренной, догоняющей модернизации с середины прошлого века прошел три ее четвертьвековых периода: индустриализация (1950–1960-е годы), урбанизация (1970–1980-е годы) и демографическая революция (1990-е — первое десятилетие 2000-х годов). Смена типа естественного воспроизводства населения и трансформация семьи по пути так называемого второго демографического перехода (на Западе начавшегося на рубеже 1960–1970-х годов, на Востоке — на два десятилетия позже) явились ключевыми процессами либерализации или

¹⁵ *Strapcova K.* Vnimanie príčin chudoby na Slovensku. — Chudoba v slovenskej spoločnosti a vzt'ah slovenskej spoločnosti k chudobe. Bratislava, 2006, 265.

¹⁶ *Socioekonomické hodnoty, politiky a inštituce v období vstupu České republiky do Evropské unie.* Praha, 2006, s. 213.

¹⁷ *Večerník J.* Work and job values in CEE and EU countries. Praha, 2003, p. 13.

демократизации Восточной Европы после 1989 г., ее вестернизации. По-польски это явление называли формированием «нового сентиментального порядка» сферы семейной жизни.

Данные международного Европейского исследования ценностей (ЕИЦ) действительно свидетельствуют о произошедшей значительной модификации института супружества в регионе в последнюю четверть века. Так, например, с утверждением, что «брак является устаревшей институцией» в 2008 г. соглашалось 18% опрошенных в Польше, в то время как в 1990 г., т.е. 18 лет назад, — втрое меньше. Кроме того, постепенно (с 73% до 65%) уменьшается доля людей, считающих брак необходимым условием счастливой жизни. Довольно много — 70% — опрошенных признают теперь незарегистрированные союзы, особенно с детьми¹⁸. Формировались соответствующие времени образцы материнства, модифицирующие традиционный, особенно в XIX в. — эпоху шляхетской Польши, облик «польской матери», одновременно служащей благу Отчизны и преданной семье. Можно встретить представление о «менеджерском матриархате», существующем в этой стране, когда женщина, жертвуя собой, контролирует жизнь своей семьи. Подобную модель материнства называют «идеалистически-героической», а ее центральную фигуру — «суперженщиной» и «суперматерью», со времени социализма несущей двойную нагрузку — домашнюю и производственную. Изменился ли этот образ в период второго демографического перехода по-польски?

Польские социологи приходят к выводу, что семейная жизнь за два прошедших десятилетия претерпела значительные перемены в сторону прежде всего индивидуализации. Однако, по их мнению, это еще не означало «кризиса семьи». Имеющиеся данные опровергают тезис о движении польской семьи — по крайней мере в плоскости декларативной — в сторону западной модели с отличительным для нее «демократизмом» или «свободой» отдельных ее членов. И хотя сдвиги в представлениях людей очевидны, как свидетельствуют результаты чешских социологических исследований, заявления и реальное поведение могут не только расходиться, но и взаимно противоречить. Так, высокообразованные слои чешского общества со второй половины 1990-х годов все чаще действуют по принципу «передовые взгляды — традиционное поведение». Вербально соглашаясь с новыми, считающимися прогрессивными, установками, они лично для себя предпочитают наиболее консервативные формы семейной жизни и оказываются в стороне от процессов трансформации демографического режима. Настоящим же объектом новых веяний (феномен матерей-одиночек и незарегистрированных союзов) являются в Чехии женщины с наиболее низким уровнем образования и социального положения, для которых смысл жизни, по их признанию, напротив, все больше сводится к семье. Однако 80% их первых детей рождается вне брака и в большинстве случаев даже вне партнерского союза с отцом ребенка, тогда как среди высокообразованных ровно столько же состоит в браке на момент рождения ребенка¹⁹. Обнаруженная чехами сильная негативная зависимость нетрадиционных форм семьи от социально-экономического положения людей, значительно превосходящая влияние сдвигов в ценностных ориентациях, говорит не столько о сходстве общеевропейских тенденций развития, сколько о различиях в динамике демографического поведения западной и восточной частей Европы в самой их сущности.

Преимущественно негативные аспекты перемен выразились в появлении экономических барьеров при создании семьи и обезаждении потомством в условиях кризисного развития (чехи сравнивают происходящие в демографической сфере процессы с аналогичными процессами в стране в 1930-е годы). Это был период резкого роста социальных неравенств и формирования массовых слоев общества, длительное время существующих на социальные пособия. Демографический шок конца XX в. выразился

¹⁸ Wartości i zmiany, s. 51.

¹⁹ Chaloupková J., Soukupová E. Postoje k manželství, nesezdanému soužití a rodičovství mimo manželství. — Mimomanželská plodnost v ČR. Praha, 2007, s. 47; Hamplová D. Uvod. — Mimomanželská plodnost v České republice po roce 1989: sociální a ekonomické souvislosti. Praha, 2006, s. 8.

в резком спаде рождаемости и заключенных браков, скачкообразном росте числа внебрачных рождений.

Несмотря на эти процессы значение семьи в жизни поляков остается «крайне важным» для 90% опрошенных. Понимаемая под семьей супружеская пара с детьми как традиционная модель брачного союза особенно широко признается в Восточной Европе, и прежде всего в Польше. По данным ЕИЦ, приводимым поляками, в Западной Европе и тем более скандинавских странах популярность этой модели гораздо меньше — 54% в 2008 г. Одобрение семьи из одного родителя как главный процесс современной семейной трансформации распространено прежде всего в скандинавской группе стран и практически не касается восточноевропейцев²⁰. Среди них свыше 80% опрошенных считает, что у женщины должны быть дети для ее самореализации в жизни, тогда как для западноевропейцев аналогичный показатель вдвое ниже — не превышает 40%. Очевидно, трудностями современного существования в целом восточноевропейской, и в частности польской, семьи объясняется тот факт, что, несмотря на большое значение в ней детей, жизненная удовлетворенность людей, имеющих их, чаще бывает ощутимо ниже по сравнению с бездетными. В Западной Европе, и прежде всего скандинавских странах, ситуация противоположная. Современных восточноевропейских женщин даже называют жертвами господствующих в обществе культурных норм, которые предписывают им иметь детей. Следование этим нормам в существующей ситуации не приносит им счастья. Еще одно наблюдение, касающееся только восточноевропейской семьи, — наличие ребенка при отсутствии партнера также снижает уровень удовлетворенности, особенно женщин. Дети не компенсируют им недостаток супруга, а, напротив, создают повод для недовольства²¹.

Подводя итог анализу семейных ценностей, можно сделать вывод: нынешние представления жителей региона во многих отношениях по-прежнему гораздо больше похожи на восточно-, чем западноевропейские.

Не менее интересны выводы, полученные из анализа динамики моральных и религиозных ценностей людей после 1989 г. Эта проблематика традиционно является ключевой для польской социологии в силу ее наибольшей значимости для католической страны. Во втором десятилетии системных сдвигов исследователями фиксировалось отчетливое ослабление нравственности как инструмента общественного контроля, политизация морального дискурса и быстрорастущая релятивизация моральных ценностей вплоть до определения существующей ситуации как «моральной паники» или «моральной революции» после вступления в Евросоюз. Оказывается, согласно данным ЕИЦ, на рубеже XX–XXI вв. в большинстве европейских стран свыше половины опрошенных высказывало мнение, что не существует установленных на все случаи жизни принципов, позволяющих отличить добро от зла, которые строго ситуативны. И лишь только Польша в 1999 г. была единственной страной в Европе, где преобладало (51%) убеждение о существовании четких и несомненных моральных принципов, касающихся каждого человека и в любой ситуации. Причем, к 2008 г. доля таких людей возросла до 53%²², т.е. моральный релятивизм пока в Польше в отличие от других стран Европы не является преобладающим. По сравнению с государствами Вышеградской четверки (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия) в целом уровень морального релятивизма в Польше, особенно в среде многочисленных верующих, самый низкий. А в среднем в Восточной Европе он ниже по сравнению с западноевропейским. Таким образом, конкретные данные опровергают миф об упадке морали и эрозии нравственного сознания в современной Польше, хотя постепенно в этой сфере в начале нового века наблюдались некоторые сдвиги. Польское общество, не прошедшее через

²⁰ Wartości i zmiany, s. 56.

²¹ Hamplová D. Proč potřebujeme rodinu, práci a přátele. Šťěstí ze sociologické perspektivy. Praha, 2015, s. 99.

²² Wartości i zmiany, s.165.

глубокие культурные перемены, аналогичные обществам западного типа, демонстрирует и поныне выраженный консерватизм.

Хотя даже для большинства поляков костел уже не служит проводником по жизни, а религия теряет свое значение, они по-прежнему считают себя католиками и людьми религиозными. Это во многом обусловлено дефицитом альтернативных форм идентичности, укореняющих людей в общественной жизни. А религия по-прежнему остается единственной системой, структурирующей повседневную жизнь поляков и придающей ей смысл.

Совокупность сдвигов в сфере политики и гражданского общества, раскрывают их истинную сущность в посткоммунистическом мире.

Данные 2009 г. демонстрируют крайне низкий престиж власти в современной Польше. Она характеризуется как некомпетентная, не заслуживающая доверия, не служащая людям и не воплощающая принципы равенства. По этим показателям в прошедшее 20-летие наблюдалась значительная понижающая тенденция. Так, доверие государственной власти сократилось с 78,8% в 1989 г. до 30,7% в 2008 г., в парламент — с 78,9% до 19,0%, в правительство — в 1995–2008 гг. с 38,7% до 21,8%²³. Вместе с тем доверие политическим институтам является основой легитимации политической системы. С показателями доверия коррелирует динамика оценок системы правления в Польше, систематически негативная. В то же время ожидания людей по отношению к государственной власти в период трансформации не сокращались, поддержка государственного интервенционализма оставалась сильной. Ответственность государства в сфере занятости трудящихся считается несомненной.

Ожидания в сфере уменьшения различий в доходах особенно показательны. По мнению поляков, как и их соседей по региону, государство должно обеспечивать равенство — абсолютную общественную ценность для безусловно эгалитарно ориентированного центральноевропейского населения. Решительная поддержка сокращения материальных различий в рассматриваемый период возросла в Польше на 20 процентных пунктов. И сам этот постулат не подвергался сомнению, его сторонниками являлись 61,5% населения в 1988 г. и 84,6% в 2006 г.²⁴ Необходимость ликвидации материального неравенства сочеталась в сознании людей с растущей ориентацией на равенство доходов. От решительного отказа от экономического эгалитаризма периода социализма в начале периода трансформации в последующем совершился переход польского общества — и не только его — ко все большему принятию принципов материального равенства. Это был сдвиг от широко распространенного сознания несправедливости довольно слабых различий в оплате низко- и высококвалифицированного труда к существованию в ситуации резкой дифференциации оплаты труда, далеко не всегда легитимной. Таким образом, польским обществом принимаются постулаты широкой сферы ответственности государства.

Как свидетельствуют данные ЕИЦ, не только Польша, но и Восточная Европа в целом «правее» Западной. «Парадоксальный человек», по определению российского социолога Ж.Т. Тощенко, не так давно повернувшийся к рынку и свободе, выше ценит их, демонстрируя традиционно больший этатизм, доверие к государственной форме собственности и ожидание активной роли государства в общественных делах. Восточноевропейская модель гражданственности отличается от западноевропейской, скандинавской и американской также сочетанием сильного политического отчуждения, низкого доверия власти, с одной стороны, и ожиданием более широких функций государства, большей от них зависимости и низкой предприимчивостью — с другой. Негативный образ власти и политиков приобретает в посткоммунистическом мире все большее значение в условиях завышенных общественных ожиданий от государства. Но для Польши синдром «парадоксального человека», обнаруженный в России, наиболее характерен.

²³ Ibid., s. 215.

²⁴ Ibid., s. 221.

Особенностью политической самоидентификации поляков является соединение мировоззренческого традиционализма с левыми взглядами в экономической сфере, что сами они и называют консерватизмом. В противовес политическим взглядам западного типа польский консерватизм отличается соединением традиционных обычаев и религиозности с поддержкой государственной интервенции в сфере экономики. Любопытно, что самоидентификация поляков по право — левой политической шкале определяется исключительно степенью тяготения к мировоззренческому либерализму и не связана с экономическими взглядами. Даже сторонники партий левого толка в такой же степени исповедуют одновременно моральный консерватизм и экономический либерализм, как большинство общества. Таким образом, экономический либерализм негативно коррелирует с левыми политическими взглядами только в странах Западной Европы, тогда как в Восточной Европе отсутствует связь между декларируемыми левыми воззрениями и экономическим либерализмом²⁵. Отождествление себя с левыми или правыми зависит у поляков от выбора политической партии. В результате складывается ситуация, противоречащая классической политической теории, согласно которой политическая идентичность должна определять политическое поведение личности, а не наоборот. Особенность современной Восточной Европы заключается в предопределенности самоидентификации политическим выбором. Это соответствует тезису о том, что в постсоциалистических странах деление на правых и левых не опирается на стабильные мировоззренческие представления. В этом регионе совершенно отличные от западных формы политической идентичности.

Жители Восточной Европы в целом меньше, чем западноевропейцы, интересуются политикой, она для них — даже членов политических партий и людей, активно в них работающих, — реже «крайне важна». На Западе более активны сторонники большей роли государства, недовольные своей жизнью, тогда как на Востоке — напротив, сторонники рынка, «правых», довольные своей жизнью и ситуацией в стране. Т.е. в первом случае люди недовольные своими действиями пытаются поправить положение, а во втором — с политикой связаны, скорее, бенефициары перемен. Аналогичная польской закономерность отмечалась чешскими и словацкими социологами²⁶. По их данным, люди высокообразованные и наиболее удовлетворенные развитием демократии проявляют почти вдвое большее, чем все население, стремление участвовать в разрешенных демонстрациях. Неудовлетворенность непосредственно не связана с протестным поведением, которое служит скорее выражением потребности дальнейшего улучшения собственного положения. Готовность участвовать в протестном движении демонстрируют люди образованные, толерантные, во всех отношениях либерально-ориентированные, наибольшие противники традиционных ценностей и сторонники — постматериалистических, релятивистских, наименее религиозные, но более склонные к оккультизму, продемократически настроенные и, наконец, особенно негативно оценивающие социализм и позитивно — перемены после 1989 г. и верящие в свободный рынок как их главное идеологическое содержание.

Так какой же социокультурный смысл скрывается за понятием конвергенция с Западом или «возвращение в Европу»? Провозглашавшийся универсальный характер так называемой «имитационной модели трансформации» основывался на идеализации капиталистического Запада, якобы представляющего из себя целостное пространство, куда до периода социализма будто бы входили Польша или Чехия. В постсоциалистический период сфера культуры действительно приобрела ключевое значение в жизни восточноевропейцев, став ареной противостояния национальных и импортированных с Запада ценностей. Событиями «культурной войны» можно считать изменение системы ценностей восточноевропейцев в период их вестернизации. В годы трансформации они входили с более важными ценностями семьи, труда и религии в их

²⁵ Ibid., s. 265.

²⁶ Kusá Z. Politika a spravovanie krajiny Výskum európskych hodnot. 1990–1999–2008: slovenská a česká spoločnosť: analitická publikácia. Bratislava, 2009, s. 120–160.

жизни и менее важными — друзей, знакомых, свободного времени. В последующем происходила унификация восточноевропейской системы ценностей с западноевропейской. Она выразилась в эрозии традиционного образа семьи, росте за счет семейных связей значения друзей и знакомых, снижении важности изначально намного более значимых для жителей посткоммунистического региона показателей трудовых ценностей. Причем уровень их удовлетворенности трудом и ощущение степени свободы в принятии решений в процессе труда стали ниже западноевропейских, а восприятие труда как ценности инструментальной — дающей заработок — значительно важнее, чем в среднем по Европе. В основе этого процесса был распад существовавшей при социализме идеологии труда и переход к доминированию потребительской идеологии. С процессами секуляризации, хотя и медленными, дезинтегрировалось и единство церкви, религии, культуры и общества. Данные ЕИЦ 1990, 1999 и 2008 гг. свидетельствуют о снижении участия в политике и интереса к ней. Демократия признается, но ее функционирование воспринимается во всех посткоммунистических странах негативно. Европейская идентичность жителей региона в целом крайне низка, большая часть их считает, что она существует только для заинтересованных — тех, кто получают выгоду от ее существования. Вместе с тем общности европейской культуры и истории придается меньшее значение²⁷.

В посткоммунистических странах в 1990-е годы на первый план вышли самосохранение и безопасность. Там значительно реже, чем в Западной Европе, проявляется удовлетворенность различными аспектами жизни, потребность в общественно-политической активности, доверие и толерантность, поддержка демократии. Страны Центральной Европы — Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, а также Словения расположены на границе Западной и Восточной Европы не только в географическом, но и ценностном смысле: между преимущественно традиционалистической (наиболее сильной в Польше), светско-рационалистической (приоритетно — Чехия), материалистической (особенно в Венгрии) и постматериалистической (чаще в Чехии и Словении) культурами²⁸.

Важно подчеркнуть, что вопреки все еще бытующим в либеральной среде — и в России, и в странах региона — суждениям о прошедшей период посткоммунистической трансформации центральноевропейской действительности как эталонно-превосходящей и совершенно отличной от российских реалий, конкретные социологические исследования наших ближайших западных соседей демонстрируют многочисленные общерегиональные параллели и идентичности.

Неудивительно в этом контексте, что большая часть населения Вышеградской четверки остается индифферентной по отношению к европейской идентичности, считая, что она существует только для некоторых — тех, кто получает от нее выгоду. Перманентный в постлиберальную эпоху кризис легитимности политической системы общества восточноевропейского типа, означающий кризис доверия в демократические институты, предельное отчуждение от политики и политиков, в сочетании с экономическим кризисом создает и воспроизводит критические взгляды и негативные чувства по отношению к Евросоюзу.

В целом, несмотря на интенсивную имитацию на рубеже веков западных идеалов и практик, сохраняется культурно-цивилизационное отличие стран региона. Как свидетельствуют объективные данные по Словакии, ее общественное развитие и до, и после евроинтеграции не только отличалось от тенденции динамики западного типа, но даже шло вразрез с ними. Поэтому можно говорить скорее не о смене после 1989 г. траектории развития Центральной и Восточной Европы на западную, а о новом, посткоммунистическом или либерально-демократическом этапе восточноевропейского пути развития.

²⁷ *Nikischer R. Teritoriální identita obyvatel střední Evropy: komparativní analýza zemí Visegrádské čtyřky. Praha, 2015.*

²⁸ *Wartości i zmiany, s. 337.*

Как утверждают социологи, даже наиболее западное чешское общество ни в коем случае не является однозначно «просистемным»: демократию здесь предпочитает менее половины населения. В польской среде господствует интуитивное или осознанное представление, что существующая система не соответствует национальным цивилизационно-культурным характеристикам.

В противовес «либеральным 90-м» в последнее десятилетие в Центральной и Восточной Европе, наблюдаются противоположные западным странам процессы делиберализации общества²⁹. Национальная идентичность, характерная совокупность ценностей коллективизма, эгалитаризма, социальной справедливости и консерватизма, приоритет частной сферы над общественной, патриотические идеи, считавшиеся в конце XX в. «старым хламом, мешающим на пути региона в Европу», на наших глазах возрождаются³⁰. Более того, можно встретить мнение, что действительно европейскими страны региона были в период существования индустриального общества³¹. Не только в материальном отношении, но и в смысле человеческого достоинства и уважения рабочего класса крушение социализма и демократизация не привели к адаптации к европейским/западным ценностям, напротив, они еще больше дистанцировались от Европы. Сербский рабочий заключает: «Мы были в намного большей степени частью Европы при социализме, чем сейчас». Глубокое различие востока и запада Европы сохраняется в условиях их расходящихся исторических путей³².

²⁹ Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries. Praha, 2010, p. 188.

³⁰ *Plecitá K.* Národní identita a vztah k Evropské unii. Česká republika v zapado- a středoevropském srovnání. Praha, 2012, s. 14.

³¹ *Petrović T.* “When we were Europe”: Socialist workers in Serbia and their nostalgic narratives: the case of the cable factory in Jagodina. — Oral history and anthropology. New York, 2011.

³² National and European? Polish political elite in comparative perspective. Warszawa, 2010, s. 12; Tożsamość. Zaufanie. Integracja. Polska i Europa. Warszawa, 2012, s. 18.